

Dance and movement: “through the looking glass”

Иван Овчаренко

Давным-давно, в Тридевятом царстве, в Тридесятом государстве, жили-были король с королевой. Они были молоды и полны сил, а может, стары и немощны, и любили друг друга до одури, а может, ненавидели до безумия. И в один день, а может и ночь, прекрасную или не очень, королева родила королю дочь. К несчастью, девочка от рожденья была слепа. А может и глуха, но сойдемся на первой версии. Король пустил по всей земле гонцов, которые разыскали для принцессы самых искусных в королевстве врачей, но ни один из них не сумел излечить слепоту ее Высочества.

Время шло, девочка росла и училась, читала по Брайлю, а может, слушала, как ей читали наставники – главное, она обнаружила необычайную тягу к знаниям, так что к шестнадцати годам знала наизусть каждую книжку, которую смогли для нее раздобыть. И вот пришло время выходить замуж. Принцы со всех земель приехали свататься, но ни один из них не мог считаться ей ровней. И вот, когда король с королевой уже смирились с тем, что для продолжения линии наследования придется завести второго ребенка, в зал вошел незнакомец.

«Я наслышан о мудрости Вашего Высочества, как и о вашей беде», - сказал он – «я помогу вашему горю, если вы согласитесь выйти за меня замуж», - он продолжил. И извлек из-под полы своей мантии чемоданчик. «Я согласна», - ответила Принцесса – «но если вы смеетесь надо мной – я велю оштрафовать вас за bullying» (как и все образованные принцессы, она была самых прогрессивных и либеральных взглядов, а потому не верила в смертную казнь).

Король, королева и Принцесса – все собрались вокруг таинственного странника. Когда он открыл чемоданчик, все (ну кроме Принцессы) увидели огромный набор стеклышек, вроде тех, что используют сейчас окулисты при подборе очков. Но эти линзы были цветные и их было, ох, так много. На ручке у каждого было обозначение. «Возьмите его», - сказал незнакомец – и протянул ей то, на котором было написано его имя. «Поднесите к глазам и смотрите», - произнес он затем. Принцесса взглянула в стеклышко и ... увидела своего будущего мужа.

Принцесса не расставалась с саквояжем с чудесными линзами. Они были самые разные - для каждой возможной вещи на свете было свое стеклышко и наша героиня, заливаясь звонким девичьим смехом, меняла их, рассматривая все, что только ей подворачивалось. «Что это передо мной?», - спрашивала она. Ее фрейлины отвечали:

«Ромашка» «Тогда подайте мне стеклышко для ромашек», - командовала Принцесса, и ей протягивал стеклышко специально приставленный для этого хранитель. И она любовалась красотой цветка. Но шло время, и данное обещание нужно было исполнить.

Свадьба была великолепна. И вот, когда все угощения были отведаны, настало время развлечений. Король с королевой специально для свадьбы выписали труппу Большого театра из далекой Москвы. Слава богу, у них были хорошие отношения с советскими лидерами. Для прозревшей Принцессы сама Плисецкая танцевала Умиряющего Лебедя. Ахали все.

«Ничего не понимаю», - сказала Принцесса, смотревшая через стеклышко с фамилией примы-балерины. «Танцует и танцует, что с того? Дайте мне линзу для «лебедя» побыстрее», - потребовала она. И ничего не увидела. «Ничего не понимаю», - расстроилась она.

«А ты посмотри через две линзы сразу», - сказал ее (теперь уже) законный супруг.

Принцесса свела два стеклышка вместе и открыла глаза.

И тогда она прозрела.

Какое-то время назад я наткнулся на мысль, что человечество – это инструмент, с помощью которого Вселенная познает саму себя. Тогда эта идея заморозила меня, но вскоре забылась, погребенная лавиной каждодневной суеты. Я вспомнил о ней во время разговора о восприятии, нашем последнем занятии. Речь тогда зашла о сущности танцовщицы. «Кто она», – спрашивала маленькая британка своего философствующего отца – «Девушка или лебедь?». Ребенок, насколько я понял, так и не получил внятного ответа. Неудивительно – едва ли такой ответ вообще может существовать. Но я подумал: «А почему ее вообще это волнует? И почему это, в конце концов, волнует меня? Какая разница – неужели нельзя просто смотреть?». И тогда я подумал еще. И еще. До тех пор, пока мне не показалось, что я нашел ответ. Оставалось его изложить.

К сожалению, я равно далек как от психологии, так и от философии. Поэтому единственное, на что мне оставалось надеяться – это на то, что моей литературной (без)одаренности будет достаточно. И не мне судить, были ли надежды оправданы.

На мой взгляд, все мы в какой-то мере принцессы. Было бы прекрасно, умей мы просто открыть глаза и увидеть мир таким, каков он есть. Но мы не можем. Каждый из нас видит свой собственный мир. И то, что я смотрю дальнорезкими глазами, а вы, например, близорезкими – это только вершина айсберга.

Мы (насколько хватает моего разума) не можем воспринимать без интерпретации. Мы воспринимаем мир через его интерпретацию. Вот есть пылесос.

Реальный и осязаемый. Но глазами взрослого пылесос будет приспособлением для уборки дома, а глазами ребенка – источником шума и потенциальной опасности. И суть в том, что мы не живем в мире объективно-реальных пылесосов. Мы не реагируем на них. Мы реагируем на наше восприятие пылесоса. Поэтому ребенок, видящий в нем опасность, будет плакать и забираться от него на кровать. Как делала моя младшая сестра 4 года назад.

И все это хорошо и красиво. Казалось бы, при чем здесь танец? Так вот абсолютно при всем. Потому что когда мы говорим об интерпретации, то зачастую, так или иначе, подразумеваем вербализацию. И подразумеваем неправильно. Потому что язык, будучи, безусловно, величайшим достижением человеческой цивилизации, ограничен. Я далек от того, чтобы восклицать вслед за Тютчевым, что «мысль изреченная есть ложь», но и концепция текстовой природы мира, которую исповедуют ныне многие интеллектуалы, вызывает у меня вопросы. Хотя текст – это лучшая метафора из существующих, человеческий язык слишком беден, чтобы передать хотя бы десятую часть того, что человек ощущает каждую секунду своего бытия. Да, мы в мышлении опираемся на вербальные формулы, но не только ими «полнится и движется жизнь». Будь это так, лишь немногие избранные литераторы и стилисты могли бы в полной мере познать удовольствие первого поцелуя или насладиться горячей ванной после долгого дня. Но это не так – мы способны интерпретировать и без вербализации. Потому что как пишет Волынский, «тело само по себе говорит, поет, кричит иногда звучнее и полнее, чем человеческое слово». И это же дает людям возможность танцевать.

Спроси меня сейчас, как на первом занятии нашего курса, что есть танец – я бы ответил: «Танец – это искусство человеческого движения, это поэзия невербального, поэзия телесного. Это то, что заставляет нас сводить вместе «линзы» различных смыслов с тем, чтобы увидеть новый поразительный цвет. Танец это зримая метафора, заключенная в тело танцовщицы, то, что позволяет ей быть одновременно и лебедем, и девушкой, не будучи ни тем, ни другим. Это то, что не оставляет нас равнодушными, неважно, дети мы или философы».

Говорят, красота в глазах смотрящего. Я думаю, что в глазах смотрящего заключен весь мир. Равно как и в ногах танцующего.